

Живи и здравствуй, город древний!

Есть такие города, городки и сёла на нашей советской земле, облик которых память хранит как старинные гравюры на дереве. Вспомнишь о них, и как будто перелистаешь странички прошлого. Окрылённый поэтическим взлётом мысли, оглянешься вокруг и глубоко, проникновенно задумаешься не только о своём прошлом, но и о настоящем и будущем.

Так много ведь для сердца нашего слилось в таких словах, как Псков и Новгород, Суздаль и Углич, Владимир, Ярославль, Звенигород, Переславль-Залесский, Александрова слобода, село Коломенское... О многом напоминают они, и чего только не почудится в головах прошлого — перезвон колоколов, гул битв, всполохи пожаров, рокот гуслей сказочника, пляска скоморохов, плавный девичий хоровод... И светлее, ярче предстанет перед тобой на глубоком фоне минувшего день нынешний.

А сколько вокруг нас таких заповедных, но, к сожалению, не всегда памятных для всех мест! И с кем не бывало, когда глянешь из окна поезда да увидишь вдруг на холме за излучиной реки или за вербами у пруда хрупкую колоколенку с неизменной стаей галок над ней, или зубчатые башни кремелька, или стройную арку у ворот усадьбы, или лёгкий узорчатый мост, нависший над тихой заводью, — и так досадно станет: вот проехал мимо и не заглянул, не побывал, не разузнал о том, что так дорого сердцу. А лирическое настроение нередко сменяется другим, тревожным, озабоченным. Вот проехал или прошёл мимо, а надо было бы поинтересоваться, почему и по чьей вине на красавице-колоколенке ободран купол; почему к зубчатой крепостной стене пристроилась бензоколонка с мазутной надписью от одной бойницы до другой: «Не курить»; почему под аркой с затейливой резьбой расположился сарай утильбазы? Тут уж есть от чего подосадовать.

И надо сказать, многие и многие советские люди не проходят мимо, увидев такое, не молчат, не бездействуют, не допускают оскорбления памяти нашего прошлого. Всей силой гражданского гнева обрушиваются они на тех, кто посягает на исторические святыни нашего народа. Перелистайте страницы газет — всё чаще, взволнованней, настойчивей, требовательней говорят об этом люди разных возрастов и профессий. Видимо, пришла пора, когда охрана памятников культуры должна стать у нас не только делом «ревнителей старины», а по-настоящему общенародным делом. Видимо, пришла пора создать единый, всеобъемлющий закон по охране памятников культуры.

Конечно, далеко не всегда при ближайшем знакомстве с древним городом его облик напоминает хранимую в памяти старинную гравюру на дереве. Правда, бывает так, что этому даже порадуешься: чудесная новь прекрасной старой были, город поражает таким расцветом жизненных сил, слава нынешняя настолько ярче славы прежней, что реликвии прошлого, даже очень бережно сохраняемые, не определяют уже лица города. Таковы твердыни нашей индустрии — Владимир и Ярославль, таковы старейшие наши города — Киев. Смоленск и многие другие, не говоря уже о Москве, изо дня в день хорошеющей и обновляющейся.

Но бывает и так, что город не приобрёл красоты новой, а старую утратил, а если и не утратил её совсем, то поблёкла она, поистёрлась, поизносилась. Идёшь по улицам и площадям такого города былой русской славы, останавливаешься перед памятниками русской культуры, любишься творениями рук известных и безвестных, давно уже умерших зодчих, скульпторов, живописцев и вспоминаешь слова русского художника Сурикова, развитию дарования которого помогло изучение искусства прошлого: «Я на памятники как на живых

людей смотрел, — расспрашивал их: вы видели, вы слышали, — вы свидетели». И горько бывает видеть, что время стирает живые черты этих свидетелей прошлого, что они дряхлеют, блёкнут, могут превратиться в прах, если живая, тёплая человеческая рука своим дружеским прикосновением не продлит их жизнь на века.

Вот такое сложное чувство близкой встречи с далёким прошлым и вместе с тем ощущение тревоги, которое оставляет после себя эта желанная, но грустная встреча, возникает при посещении одного из древнейших русских городов — Переславля-Залесского.

Не тот он теперь, чем был прежде, но и не тот, чем может и должен стать. Пожалуй, нигде так остро не ощутишь, каким живительным может быть прикосновение созидательной руки человека к памятникам старины. Ведь здесь в силу многих исторических обстоятельств и природных условий сложилась у города такая самобытная судьба, что он может стать живым, тесно связанным с сегодняшним днём страны городом — заповедником истории русской культуры. Об этом-то и хочется поговорить.

Если подняться по ступенькам старинной звонницы Горицкого монастыря и оглянуться вокруг, взору представится панорама редкостной красоты. Глубокое синее небо с прозрачными кучевыми облаками сливается с такими же синими, спокойными просторами Плещеева озера, раскинувшегося от стен монастыря до исчезающих в дымке далей. Сразу и не разберёшь, где кончается озеро и где начинается небо, что это там белеет — крылья чайки или парус? Справа, как бы любуясь своим отражением в серебристом озере, лежит в зелени садов маленький, опрятный, тихий городок, окружённый пологими склонами гор, на которых высятся белокаменные стены монастырей — Никитского, Даниловского, Фёдоровского, Горицкого. Крепостные башни, островерхие колокольни и звонницы, многочисленные купола и шатры церквей, изломанные линии крепостных стен как бы вырисовывают перед вами узорчатые, затейливые, воздушные контуры сказочного города. Во всяком случае таким он представляется, когда смотришь на него со стороны, вот хотя бы отсюда, со старой звонницы. Да и как не подумать об этом, когда знаешь, что вот там, за Плещеевым озером, раскинулось в лесах чудесное, но умирающее уже Берендеево озеро — то самое поэтическое, доброе, созданное народной фантазией Берендеево царство с Лелем и Снегурочкой, воспетое Чайковским и Римским-Корсаковым, Островским и Пришвиным.¹

Переславль-Залесский — сверстник Москвы. И основал его тот же Юрий Долгорукий. Вон стоит и построенный при нём белого камня собор с узенькими, как бойницы, окнами, окружённый хорошо ещё сохранившимся земляным валом протяжением свыше двух километров. На этом валу когда-то высились стены и башни деревянного кремля, окаймлённого глубоким рвом, наполненным водой из тихоструйной и прозрачной реки Трубеж.

Отсюда повёл свою рать на Ледовое побоище Александр Невский, родившийся и княживший здесь. Не раз под тревожный гул набата скрещивали мечи у стен кремля и монастырей отважные переславцы с татарскими ордами, ватагами мятежных удельных князей, полчищами поляков и литовцев, нахлынувшими сюда в проклятое Смутное время.

Вон на той горе — Ярилиной — возвышаются над озером остатки земляного вала городища Клещино — предшественника Переславля.² Вот там, по преданию, был построен загородный дворец Александра Невского, а много позже на другом берегу возник дворец Петра I, построившего здесь в молодые свои годы первую русскую флотилию. Уже нет Петровского дворца, как и Александрова, но жив ещё дедушка русского флота ботик «Фортуна» со всей своей корабельной снастью, под крышей белого домика на месте дворца среди вековых берёз, укрывающих его своими широкими ветвями. Шумят вёты и гомонят галки над стенами самого древнего здесь Никитского монастыря, возникшего ещё в XII веке, возвеличенного и укрепленного по велению Ивана Грозного, создавшего здесь одну из мощных цитаделей опричнины. И не раз под заунывный звон колоколов отбивал тут поклоны грозный царь, замаливая свои грехи.

¹ Автора заносит. Во-первых, Берендеево болото было озером сотни лет тому назад. Во-вторых, герои А. Н. Островского — Лель и Снегурочка не имеют к Берендееву болоту никакого отношения, драматург просто взял отсюда красивое название. — *Ред.*

² Автора снова заносит. Ярилина гора это отдельно стоящий холм, а валы Клещина городища насыпаны рядом с нею. — *Ред.*

А недалеко, у впадения Трубежа в озеро, весело смотрятся в воду нарядные и кражи-стые избы стародавнего села Рыбачьего с островерхими коптильнями и разбросанными для просушки сетями — в этом озеро ловят рыбаки чуть ли не единственную в мире пресноводную сельдь-«ряпушку». Пейзаж посёлка Рыбачьего кажется очень знакомым, и это действительно так — многие художники побывали здесь и запечатлели на полотнах этот красочный уголок русской земли.¹

У старожилов города сохранились в памяти народные гулянья, ежегодно праздновавшиеся здесь 1 мая по указу Петра в честь пуска на воду первого ботика. Сколачивали досками по две-три лодки в ряд и выплывали по реке в озеро. Не обходился, конечно, праздник без молебствий, но главным образом ознаменовывался он народными играми, песнями, хороводами, весёлыми пирушками. Недавно в храме села Рыбачьего обнаружили записи протоиерея тех времён, который весьма скорбел, что прихожане его более склонны к гулянью, а не к молебствию. Самую же скорбную запись в этой книге сделал его преемник, сообщивший в первых строках продолженных им записей, что отец протоиерей лишён сана и отстранён от должности «за пропитие престольного креста». Что ж, в истории града сего были и не только героические страницы!

До недавнего времени, пока не проложили автомобильную трассу, по которой сейчас совершают регулярные рейсы междугородные автобусы Москва—Ярославль и обратно, стоял этот город на отшибе, далеко в стороне от железной дороги. Вероятно, поэтому он не приобрёл такого экономического значения, как другие соседние города. Небольшая фабрика, вырабатывающая нити для рыбачьих сетей и носящая пышное, но странное название «Красное эхо»,² ещё более скромная вышивальная фабрика³ и фабрика киноплёнок, приносящая, кстати сказать, серьёзные бедствия рыбному хозяйству озера, куда она спускает химические отбросы, — вот, собственно, и вся местная индустрия.

Население увеличивается только за счёт естественного прироста, новые дома в городе — редкость, но старые, построенные, видимо, из замечательного корабельного леса, которым богата Переславщина, держатся стойко, выглядят бодро и даже нарядно. Есть Дом культуры, Дом творчества художников, где живут и работают приезжие живописцы, есть несколько школ и, наконец, гордость города — краеведческий музей.

Да, гордость города. А, если хотите, можно сказать ещё более громко — душа города. Побывав в нём, особенно явственно почувствуешь и прошлое, и настоящее, и будущее Переславля-Залесского.

Директор музея Константин Иванович Иванов, бывший рабочий фабрики «Красное эхо», вот уже четверть века, вместе со своими товарищами по работе в музее, бережно, по крупицам собирает всё, что даёт хоть какой-нибудь штрих к далеко ещё не написанному портрету этого интереснейшего города. А для такого дела нужны подлинное вдохновение и трудолюбие художника, искателя, собирателя, человека, одержимого благородной страстью.

Всему здесь найдётся своё место — княжеской гробнице и скорбной мужицкой «домовине», роскошному дворцовому убранству и убогой утвари курной избы, мечу и сохе, грозному царскому указу и смиренной челобитной, картине прославленного художника и черепку с затейливым орнаментом неизвестного умельца, бронзовому бюсту Александра Невского и скульптуре партизана... Всё это не только собирается здесь, но и тщательно изучается, а если нужно — восстанавливается, реставрируется.

Посмотрели бы вы, с каким благоговением перелистывают и изучают древние рукописи с выцветшими чернилами научный сотрудник, коренной переславец Павел Георгиевич Батасов или внештатный сотрудник, краевед, коренной москвич Сергей Дмитриевич Васильев. Впервые он побывал здесь тридцать с лишним лет назад и так с тех пор полюбил Переславщину, что и теперь, став пенсионером, больше бывает здесь, чем на своей московской квартире.

Посмотрели бы вы на их лица, когда они склоняются над только что ожившей картиной многовековой давности, стеной фреской или только деталью её, магически заигравшей всеми своими первородными красками. А краски эти вновь пробуждены прикосновением рук

¹ Селом Рыбачьим автор именуется Рыбную слободу. — *Ред.*

² Первая фабрика сетенитки в СССР. — *Ред.*

³ Единственная фабрика механической вышивки в СССР, выпускавшая гипюр и отделочные ткани. — *Ред.*

опытных художников-реставраторов Натальи Турецкой и выученика Лувра и Французской академии художеств Александра Магарама.

Жаль только, что не все уже краски оживут вновь: сырость в годами не отапливаемом соборе, потоки дождевой воды с кровли, слишком поздно отремонтированной, начисто уничтожающие некоторые фрагменты фресок. И это непосредственно в здании музея, а что говорить о том что происходит вне стен его!

Послушали бы вы, с каким волнением обсуждают здесь огорчительные вести о состоянии того или иного архитектурного сооружения. Несмотря на протесты работников музея, в селе Елизарово, вотчине опричника Алексея Басманова, в шатровой церкви, созданной одновременно с московским Василием Блаженным в ознаменование взятия Казани, всё ещё сотрясая и разрушая уникальный архитектурный памятник, работает мельница, а в приделе — лесопильный завод. А когда, наконец, приступят к реставрации Никитского монастыря — замечательного комплекса сооружений военной, церковной и гражданской архитектуры, сотню лет уже простоявшего без ремонта? Обваливаются лепные наличники XVI века, украшающие окна трапезной, угрожающей становится трещина, расколовшая сверху донизу южный фасад Благовещенской церкви. Крепостные стены и башни, не раз гордо выстоявшие под ударами врага, а теперь забытые и оставшиеся без помощи рук человеческих, дряхлеют, размываются дождями, выветриваются, рушатся.

Почитали бы вы, с какой настойчивостью пишут об этом сотрудники музея в областной город Ярославль и в Москву, требуя немедленных и значительных ассигнований на восстановление и охрану переславских памятников старины и культуры, и вздохнули бы с ними заодно, читая безутешные канцелярские ответы. И десятой доли не получают они для того, чтобы сохранить реликвии города.

Порадовались было переславцы, получив сообщение, что на этот год отпущено им для реставрации памятников города, помимо непосредственных нужд музея, двести тысяч (такая сумма, вообще-то крайне незначительная, отпущена впервые), да радость была преждевременной. Вот уж прошло полгода, а ремонт не начат. Деньги «попридержали» в областном центре, выслав пока 35 тысяч, специалистов же и необходимых материалов не прислали и поныне. Не повезло и на сей раз переславцам!

А ведь первый закон об охране исторических памятников в России был издан именно в Переславле-Залесском. Написал его собственноручно Пётр I, и рукопись его указа хранится в фонде музея, а текст выбит золотыми буквами на мраморном пьедестале памятника Петру, поставленного в прошлом веке в усадьбе «Ботик». Писан он был, когда увидел Пётр полуразвалившиеся остовы построенных им ранее кораблей, брошенных на произвол судьбы местным воеводством. В гневе написал он в книге государевых указов по этому воеводству (и не его ли рукой скомкан и доселе не разгладился именно этот лист?) размашисто и кратко: «Воеводам переяславским. Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ. Пётр. В Переславле в 7 день февраля 1722 г.».

Забываясь о сохранении своей переславской флотилии, писал он из Голландии князю-кесарю Фёдору Ромодановскому, как нужно это сделать, и написал он тогда слова, не умирающие и по сей день: «хорошо вновь строить, а и старое, которое хорошо, не надобно бросать». Может быть, стоит напомнить эти слова работникам Министерства культуры? Они, слова эти, конечно, не столь обязательны, как ныне действующие законы и распоряжения, но, может быть, люди, отвечающие за сохранность памятников, прислушаются также и к голосу, звучащему из глубин веков?

А теперь поднимемся вновь по ступенькам старинной звонницы, осмотримся вокруг и ещё поразмыслим о судьбах этого древнего города. Полюбовавшись пейзажем чарующей красоты, перелистаем книжку, любезно предоставленную нам Константином Ивановичем Ивановым. Книжка эта издана сто с лишним лет назад, и в ней опубликованы записки путешественника, побывавшего в этом крае. Вот страничка из этой книги:

Подумаешь: во 120 верстах от Москвы... лежит это прекрасное озеро с своими окрестностями. И никто из нас никогда не вздумает прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудные волны, заглянуть в его серебряное дно, посмотреть на прекрасные виды вокруг. Когда русская жизнь внутри отечества забьёт сильнее, когда мы сознаём красоты и блага земли

своей,.. тогда, под тысячами вёсел, заплещут волны Переславского озера, запестреют разноцветные флаги судов, раздастся одна полная хоровая песня — и будут петь её тысячи голосов! Это мечта — скажут мне? Нет, это сбудется непременно.

Что ж, не пришла ли чудесная пора, когда можно всерьёз задуматься об осуществлении этой мечты и помечтать о ещё более заманчивом. Не на перекладных и в каретах, а в автобусе-экспрессе или легковой машине можно примчаться сюда по первоклассной магистрали из Москвы за два — два с половиной часа. Не маленький, утративший своё былое значение городов, а город — заповедник истории русской культуры можно будет увидеть здесь, если реставрируют и возродят его к новой жизни. Правда, по подсчётам работников исполкома городского Совета, для благоустройства, реставрации и украшения города придётся затратить около десяти миллионов рублей, но ведь не сразу же, не в один год они потребуются. К тому же, надо полагать, жители города многое могут сделать своими силами. Почему бы восстановление родного города не сделать общим делом горожан — народной стройкой? А неизбежные расходы окупятся, если, проложив кольцевую магистраль вокруг озера, открыть на побережье туристские базы, станции для любителей охоты и рыболовства, гостиницы, рестораны и кафе, дома отдыха, яхт-клубы.

И разве не привлекут сюда тысячи людей традиционные гулянья на просторах озера и его берегах, проводившиеся здесь с петровских времён столетиями из года в год, с пылающими на высотах смоляными бочками, фейерверками, хорами и музыкой! А главное — засияет немеркнувшей красотой слава древнего русского города, хранителя памяти военной доблести, творческого труда, русского зодчества, культуры, живописи, скульптуры. И, конечно, прав был М. Пришвин, писавший о Переславле, что «с небольшими перерывами здесь можно, изучая памятники, век за веком представить себе почти всю русскую историю».

Живи же и здравствуй, Переславль, город древний! И хочется верить, что, прислушавшись к голосу переславцев, соберутся в этом городе на совместное совещание люди науки и искусства, историки, архитекторы, художники, археологи, библиографы, искусствоведы и не только помечтают, но и подскажут, посоветуют, как возродить этот город в жизни большой, красивой, творческой и нужной для всей страны.

И хочется с новой силой повторить слова, прозвучавшие сто лет назад и вспомнившиеся нам сегодня: «Это мечта, — скажут мне. Нет, это сбудется непременно».